

Содержание

Пролог	5
Глава 1. ЗЛАТОЛЕСЬЕ	7
Глава 2. СЕСТРЫ	14
Глава 3. ДЕЛА МИНУВШИЕ	20
Глава 4. ГРОМОВЫ	26
Глава 5. РЕШЕНИЯ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ	37
Глава 6. СЕАНС	46
Глава 7. ПОСЛАНИЕ	55
Глава 8. ЛЕС	66
Глава 9. ПАРЕГОРИК	82
Глава 10. ЗАЯЦ	91
Глава 11. МОНАСТЫРЬ	102
Глава 12. EN PLEIN AIR	110
Глава 13. МУЖЬЯ И ЖЕНИХИ	126
Глава 14. ФОКУСЫ	144
Глава 15. УТОПЛЕННИЦА	158
Глава 16. ХИМИЯ	168
Глава 17. БАТЮШКА	184
Глава 18. ЖЕСТЯНКА № 38	202
Глава 19. ДОРОГА НА СТАРИЦУ	210
Глава 20. ФОТИНИЯ	227
Глава 21. ПОДРУГИ	236
Глава 22. ФЕНИКС	251
Глава 23. ДВЕ ТАТЫ	265
Глава 24. ПЕРЕКРЕСТОК	285
Глава 25. МЕБЛИРОВАННЫЙ ДОМ	305
Глава 26. ПОРТРЕТ	333
Глава 27. ПОБЕГ	352
Эпилог	375

Пролог

Во дворе родительского дома было темно, хоть глаз выколи. И зябко до дрожи. Тата подумала, что одеться стоило потеплее, но возвращаться боялась. Сбежать во второй раз она попросту не решится... она и сейчас-то едва сдерживалась, чтобы не броситься назад, за дверь. Туда, где тепло и уютно, где пахнет пирогами и где каждый уголок, каждая скрипящая половица знакомы с детства.

Тата сама не знала, как набралась смелости выйти ночью за двери родительского особняка, и все же медленно, шаг за шагом, уходила дальше. Лишь за калиткой рискнула оглянуться.

Все спали: окна были черны и в особняке Громовых, и у соседей. Лишь на том берегу речки Вазузы ярко и весело мелькали огоньки — будто электрическое освещение, как в Москве, Петербурге или любом другом большом и красивом городе, отличном от их захолустья... Грезилась ей те огоньки или они светили на самом деле, но именно туда Тата и спешила. Теперь уж не оглядываясь, перебежала узкую грунтовую улицу; поднимая юбки, аккуратно спустилась по насыпи к деревянному старому мостку. Вазуза — речка мелкая, в ней и захочешь — не утопнешь. Другое дело Волга, особенно вниз по течению, за городом — уж Тата знала...

Однако и в Вазузу с мостка упасть — мало не покажется. А потому спускалась она осторожно, стараясь не оступиться и не поскользнуться. Тата всегда была осторожной. И тем неожиданней было для нее понять, что кто-то в ночи успел тайком подкрасться. Тата и успела-то услышать лишь невесомые шаги за собой, но прежде чем обернулась — ее с силой толкнули в спину.

Вперед, прямо в темные воды Вазузы.

* * *

Тата проснулась с криком, в испарине и с колотящимся, как безумная птица, сердцем.

— Что? Что, милая? Дурное приснилось?

Тата еле смогла отдышаться, когда над ней склонилось испуганное лицо мужа.

— Да, дурное... — пролепетала она, едва не плача. Но тотчас взяла себя в руки: нельзя, чтобы он узнал. — Не бери в голову, родной, просто приснилось... я воды встану попить.

Супруг, еще сонный, не удерживал, снова упал на подушку. А Тата по темноте прошла до туалетного стола с зеркалом, села и долго всматривалась в свое отражение. Будто не узнавала ту женщину, что глядела на нее из-за стекла.

Сон и правда был дурным. Он и прежде ей снился с определенной регулярностью, и хоть Тата в сны да знаки не верила, догадывалась, к чему это.

Тата, как купеческая дочь, прекрасно умела считать и знала, что за все рано или поздно придется заплатить. И час ее расплаты все ближе.

Глава 1

ЗЛАТОЛЕСЬЕ

Июль 1895 г. Российская империя, Тверская губерния

«**М**ой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...»

Строчка засела в голове намертво: сколько ни пытался Кошкин от нее отмахнуться, она всю дорогу настырно всплывала в памяти. А дорога была неблизкой — угораздило же Шувалова так далеко забраться! Поездом через Бологое и Осташково в Ржев, а оттуда на перекладных в Зубцов Тверской губернии. Слава богу, хотя бы здесь его ждал экипаж, доставивший прямиком в Златолесье, любимое имение графа.

Любил его Шувалов за уединенность и за то, что по служебной надобности в сей глухомани его не так легко найти.

И это же сыграло с графом злую шутку.

Платон Алексеевич, граф Шувалов, не был Кошкину ни дядей, ни кем бы то ни было вообще. Однако двумя сутками ранее Степану Егоровичу пришло от его имени письмо, написанное чужой рукой. В письме говорилось, что Шувалову стало совсем дурно и он слег; что только что ушел священник, его причастивший, и что Платон Алексеевич надеется в последний раз увидеть его, Кошкина.

Едва ли Шувалов и впрямь так уж хотел видеть одного из многочисленных своих подчиненных... наверняка

гораздо охотнее он свиделся бы перед смертью с единственной племянницей. Но племянницу вместе с мужем и детьми он собственным приказом отослал из страны бог знает из каких соображений. Кошкин же волей случая был дружен с семейством Лидии Гавриловны, они и теперь переписывались, пусть и не слишком часто. Вероятно, Шувалов и позвал Степана Егоровича, дабы тот передал Лидии Гавриловне нечто личное напоследок.

Других же родственников у Платона Алексеевича не было вовсе. Насколько Кошкин знал, по крайней мере.

И теперь же, нервничая и торопя возницу, Кошкин отчаянно боялся не успеть...

* * *

Он приехал поздним вечером. Усадьба встретила скромным каменным домом в два этажа и шесть окон в ширину — Шувалов ни в чем не любил излишеств. На подъездной дорожке Кошкин отметил пару запряженных экипажей и подумал, что если не успел, то хоть помирал старик не в одиночестве. Более не медлил. Игнорируя лакеев и горничных, ворвался в дом, взлетел по лестнице — туда, где горел свет. Едва ли не бегом преодолел анфиладу комнат и лишь у дверей барской спальни невольно задержался, собираясь с силами.

— Еще жив? — спросил у подоспевшего лакея.

— Жив...

Покуда не услышал это слово, Кошкин и сам не понимал, насколько напряжен и взвинчен он был. И будто только теперь сумел выдохнуть.

— Господин Кошкин? — догадался тем временем лакей. И после кивка поспешил стянуть дорожный плащ с гостя и отворить двери. — Вас велено принять немедленно.

За дверями была еще одна комната, вторая — ох уж эти старинные постройки... и лишь за третьей оказалась спальня больного.

Не думая, Кошкин ближе подошел к кровати, где лежал Платон Алексеевич. Его лицо было бледным, осунувшимся, а глаза глубоко запавшими, но открытыми. Граф бездумно глядел в стену напротив, и даже веки не дрогнули, когда с мягким щелчком захлопнулась дверь. Шувалов дышал тяжело, неровно, сипло, и по всему было видно, что каждый вздох дается ему с трудом. Это была вновь, в который раз уже открывшаяся чахотка, как сообщалось в давешнем письме. Говорят, медицина далеко шагнула, однако больные сим недугом и теперь считались обреченными. Разве что отсрочить конец иногда удавалось.

— Ваше сиятельство... — заговорил Кошкин, удостоверившись, что тот не спит, — Кошкин Степан Егорович, по вашему приказу...

Веки Шувалова все же дрогнули, и взгляд, почти столь же ясный, как прежде, живо метнулся в его сторону. Голос он узнал, и даже сухие губы невольно растянулись в улыбке:

— Приехал все-таки... успел... ты сядь подальше, Степан Егорыч. Зараза такая, что я и руки тебе подать не могу.

Снова не думая, Кошкин шагнул еще ближе и попытался было коснуться ладони Шувалова, да тот резко ее отдернул и прикрикнул, как в лучшие свои времена:

— Сядь, тебе сказано! Следом хочешь в могилу сойти?! Дурак дураком, все героя из себя изображаешь!.. — И уже чуть тише: — Тебе доктор, вон, о последствиях расскажет...

Кошкин вяло мазнул взглядом вглубь комнаты, где у стола и впрямь смешивал лекарства доктор годами чуть за тридцать. Кошкин кивнул в ответ на его приветствие и хмуро сел на стул у стены. Граф и умирая себе не изменял, странно было ждать чего-то иного.

— Не сердчай, Степан Егорыч, — оговорился все же Шувалов через минуту. — То, что ты упрям и своей головой думаешь, а не за другими повторяешь, — это я всег-

да в тебе ценил. Я тебя за то как-то разок под суд отправил да разжаловал и на Урал, помнится, выслал.. Но ценил. Ты уж прости, погорячился. Шибко расстроил ты меня в тот раз, и не только дисциплиною.

Через всю комнату Кошкин разглядел прямой и напряженный взгляд, в котором было все, так ни разу и не высказанное вслух за прошедшие годы. Та ссылка ведь не только на карьере его отразилась.

— Что было, то было, — ответил он столь же хмуро. И отвел взгляд.

— Не простил, значит... — через силу хмыкнул Шувалов.

Но теперь уж Кошкин добавил в голос стали и с нажимом повторил:

— Что было, то было! К чему ворошить?

— И то правда... — хоть с чем-то согласился умирающий старик. — Мне, Степан Егорыч, недолго осталось. Эскулап говорит, на недели счет идет. Ты здесь побудь — комнату приготовили уж. Места в округе хорошие, красивые. Поля, лес хвойный, Волга-матушка. Земляника сладкая в этом году. Я и на охоту иной раз любил сходить, уток пострелять, да и без ружья по округе проехаться за счастье. Виды здесь такие... я много где бывал, Степан Егорыч, а лучше Златолесья своего ничего не видел. Задержись хоть на недельку-другую.

И снова взгляд через всю комнату — но уже не такой, как минуту назад, а, ей-богу, просящий.

— Задержусь, разговору нет, Платон Алексеевич... — тотчас отозвался Кошкин. — О том не беспокойтесь.

Шувалов кивнул. Перевел взгляд на тумбу возле кровати, где рядом с горящей свечой лежал ключ.

— Это от шкафа с бумагами. Лишнее я уже пожег, успел, слава богу. Но ты своими глазами еще посмотри. Что сочтешь нужным, уничтожь. Там пара распоряжений для стряпчего, а остальное Лидии передай, как свидитесь.

— Будет сделано. Платон Алексеевич... дозвоьте Лидии Гавриловне сейчас же написать. Она непременно придет.

— Не надо, — ответил граф жестко и не раздумывая. — Все равно не успеет, только изводиться станет. Похороните здесь, в деревне, рядом с матерью. К черту его, Петербург этот — туда не везите.

— Хорошо... — безвольно согласился Кошкин, с трудом веря, что сей разговор происходит на самом деле.

* * *

— Все, устал я. И ты иди, с дороги отдохни, Степан Егорыч. Даст бог, поутру свидимся.

— Я вас провожу. Платону Алексеевичу и впрямь отдохнуть надо, — заговорил доктор, ненавязчиво, но твердо предлагая выйти за дверь.

Сам он, впрочем, вышел следом, плотно притворив за собой. В комнату Кошкин пойти не пожелал: сна не было совершенно, но хотелось на воздух. Доктор вышел с ним.

— Нас не представили. Сапожников Сергей Федорович, доктор земской больницы в Зубцове, — протянул он руку уже на крыльце, в тишине ночи.

Кошкин, спохватившись о манерах, охотно пожал ладонь, представился тоже. Переспросил:

— В Зубцове? Далеко же вас занесло.

— Ничуть — до Зубцова семь с половиною верст, меньше часа езды. Платон Алексеевич — почтенный гражданин города, много помогал и земству, и госпиталю. Большая честь врачевать его сиятельство.

Кошкин покивал. И не мог не спросить, неизвестно на что надеясь:

— Все и правда без надежды на успех?

— Хочется обнадежить, но... хотя современная наука и не таких выгаскивала. Платон Алексеевич станет бороть-

ся до конца, это видно. Его бы в Крым уговорить поехать, горный воздух очень способствует, знаете ли. А вот эта привычка, — он со значением кивнул на папиросу, только что прикуренную Кошкиным, — извините за дерзость, исключительно дурная, она до добра не доведет.

Кошкин тоже с удивлением посмотрел на папиросу и снова затянулся дымом. Хмыкнул:

— Кому суждено утонуть, в огне не сгорит.

— Забавно, Платон Алексеевич мне то же самое отвечает. Вы ему родственник?

— Вовсе нет. Разве мы похожи?

— Не внешне... Его сиятельство и впрямь вас очень ждали, по десять раз на дню спрашивали. Это я вам письмо написал, а он не позволял сперва. Уж простите, что стал свидетелем, но Платон Алексеевич рассказал мне о ссылке и был уверен, что вы ни за что не приедете.

— Глупости, — смутился Кошкин. — Я тотчас купил билет, как получил ваше письмо.

— Я рад, вы верно поступили! — горячо поддержал Сапожников. — И все же не держите зла на графа — за версту видно, что меж вами не все гладко. Не служебные дела, полагаю, а что-то еще. Шерше ля фам, должно быть?

Кошкин бросил резкий взгляд, а Сапожников поспешил оговориться:

— Простите мою дерзость, но я тех, кто в любви невезуч, выделяю сразу — сам таким ходил полтора года, куда моя Оленька не осчастливила меня согласиём. По осени надеемся свадьбу сыграть.

Излишне разговорчивый доктор тотчас нырнул рукой в карман сюртука и показал медальон с портретом прелестной девицы. Фотокарточка была раскрашена в цвет, а потому Кошкин разглядел, что невеста свежа, как весенний день, рыжеволоса и румяна.

— Дня не могу прожить без ее светлых глаз, — любовно глядя на карточку, произнес доктор. И сам тотчас

смутился: — Простите еще раз мою словоохотливость — я вас, должно быть, утомил. Прощаюсь, Степан Егорович. Мне отвели комнату в доме, но завтра я уезжаю поутру — не знаю, увидимся ли.

Он ушел, оставив Кошкина наедине со своими мыслями. А мысли сводились к одному. Неужто и впрямь столь очевидно, что он не может простить умирающего старика?

Шерше ля фам. Да, дело, разумеется, было в женщине. Ведь не вмешайся тогда Шувалов, не случись той ссылки... кто знает, может, сейчас Кошкин был бы женатым семейным человеком. Счастливым болтуном, как этот Сапожников.

А может, схлопотал бы пулю, как успел схлопотать ее первый муж — родной, хоть и незаконный сын Шувалова; как ее второй муж и как черт знает какой по счету ее любовник. Так что и впрямь, довольно дуться. Ему бы еще поблагодарить Шувалова, что уберег.

Да только отчего-то до сих пор разбирала такая тоска, что, ей-богу, иной раз, кажется, и пуле был бы рад.

Кошкин выбросил папиросу и, задрав голову, долго еще смотрел в полное звезд ночное небо. А дышалось здесь, в Златолесье, и впрямь невыразимо легко.

Глава 2

СЕСТРЫ

Сапожников обыкновенно приезжал раз в два или три дня — под вечер, после работы в больнице в Зубцове. Оставался на ночь и поутру уезжал обратно. Прописывал Шувалову больше бывать на воздухе, ни в коем случае не простужаться и есть много овощей и фруктов. Больной слушал его хмуро, игнорировал почти полностью и разве что окно в спальней позволял открывать. В один из таких визитов Кошкин увязался поехать с доктором в Зубцов — на почту, отправить пару писем, а больше развеяться да осмотреться. Тем более что Шувалов вечно гнал его из комнат, не позволяя остаться дольше чем на четверть часа.

Зубцов оказался городом крохотным, донельзя провинциальным, однако не бедствовал, судя по всему. По улицам, полным народу, сновали открытые экипажи с мильенко одетыми дамами, лавки на торговой площади зазывали посетителей, а каменные дома, хоть и встречались нечасто, были аккуратными и радовали глаз. Город считался купеческим и вел торговлю льном, чем и был знаменит на всю империю. Стоял сразу на двух реках — Волге и Вазузе. Реки сходились возле Полустовой горы, куда Сапожников обещал непременно сводить на прогулку, ибо с горы открывался чудеснейший вид. Реки же делили городок на две части — городскую и заречную,

которые сообщались меж собой посредством парама. Паром, впрочем, громко сказано: от одного берега к другому был натянут трос, вдоль которого паромщик с добровольцами собственными силами двигали судно.

Стояло лето, самая его середина, июль. Лето донельзя жаркое, но свежее и солнечное, совсем не похожее на лето в Петербурге.

Сапожников вызвался проводить Кошкина до самой почты и теперь франтовато шел по главной улице городка, поигрывая тростью. Как человек общительный, раскланивался едва ли ни с каждым встречным. Доктора здесь будто бы всякий знал. Особенно надолго и почтительно Сергей Федорович остановился, здороваясь с батюшкой — священнослужителем Успенского храма, самого величественного в городе.

— Отец Михаил — прекраснейший, большого ума человек, — поделился Сапожников, распрощавшись с батюшкой. — С гордостью могу сказать, что мы приятельствуем! Мне отвели квартирку возле земской больницы, и отец Михаил нередко навещает меня вечерами, особенно по средам. Присоединяйтесь и вы к нам, Степан Егорович, — обещаю, вы будете от его общества в восторге!

— Благодарю за приглашение, рад буду воспользоваться. — Кошкин помолчал недолго и улыбнулся: — Был у меня в столице приятель, как и вы, человек науки и медицины. С трудом могу представить, чтобы мой Кирилл Андреевич с батюшкой дружбу водил. Какая уж дружба, если стоило ему в одном обществе со священнослужителем оказаться, принимался спорить по самым ничтожным поводам — да до того горячо, что, право слово, неловко становилось.

— Это он напрасно! — покачал головой Сапожников. — Кто же так о людях судит? — Тоже помолчал и спросил: — Кирилл Андреевич, говорите? Не в химических ли науках сведущ ваш приятель?

Кошкин глянул на него с удивлением, но подтвердил:

— Да уж, тесен мир...

— Я ведь в Петербурге медицине обучался, — объяснил Сапожников, — в университете нашем всякий о Кирилле Андреевиче наслышан — я и по сей день за публикациями его слежу... Выдающаяся личность!

Кошкин не сообразил, сказано последнее всерьез или с насмешкой, тем более что Сергей Федорович уже отвлекся на нового знакомого. Знакомицу, точнее.

И по тому, какая светлая и искренняя радость от встречи отобразилась на его лице, Кошкин понял, кто это, еще до того, как вспомнил лицо невесты Сапожникова с портрета.

— Оленька, Ольга Ивановна! Позвольте руки ваши поцеловать... вот так встреча! Встреча тем более приятная, что я нынче не один, а с человеком большой души. Кошкин Степан Егорович, — представил он, — сыщик, полицейский чиновник. Из самого Петербурга к нам пожаловал.

Кошкин раскланялся с дамами — их было две и, судя по схожести лиц да рыжеватому цвету волос, родственницы.

— Ольга Ивановна Громова, — благоговей голосом, представил Сапожников ту, что помладше. — Имею великую честь называть Оленьку своею невестой.

Оленька, право, была еще лучше, чем на портрете, — в модном розовом платье, с огромными буфами на рукавах и под ажурным летним зонтиком. Разве что простая, чуть растрепанная ветром рыжая коса, перекинутаая через плечо, выдавала в ней девушку провинциальную. Смущаясь и краснея щечками, она подала Кошкину руку, после чего, прикрыв лицо веером, шепнула что-то даме постарше.

— Оленькина сестра, Татьяна Ивановна Тарнавская, — представил Сапожников и ее. — Ах, какие вечера дает Татьяна Ивановна — о них слава на весь уезд стоит!

— Какой же вы льстец, милый Серж! — мягко упрекнула та. — Но мне радостно, что вам приятны мои вечера. И одиннадцатого очередной из них — надеюсь, вы не позабыли и будете вовремя!

— Да как я могу! Я, скорее, имя свое позабуду!

— Ох, льстец!.. И вас, Степан Егорович, непременно ждем... — должно быть, из вежливости позвала она. И чуть коснулась локтем руки сестры.

— Да-да, непременно ждем и вас, Степан Егорович! — спохватилась та. — У меня именины одиннадцатого, Таточка чудный вечер обещает мне устроить — даже из Москвы гости будут!

— Благодарю великодушно... — со всем почтением поклонился Кошкин. — Поздравляю вас, Ольга Ивановна, от всего сердца, но не могу ответить согласием. Весьма печальные дела привели меня в Зубцов, едва ли удастся.

— Вы ведь навещаете захворавшего графа Шувалова? — спросила вдруг Татьяна Ивановна.

Чем поставила Кошкина в тупик. Неужто так скоро вести по городку разошлись? Должно быть, это Сапожников, говорун, разнес по всей округе...

Впрочем, тайны Кошкин из этого делать не собирался, подтвердил. Но сказанное Татьяной Ивановной после изумило его и того больше:

— Степан Егорович, сыщик из Петербурга, чиновник по особым поручениям при канцелярии обер-полицмейстера... неужто это вы и есть? И ваша возлюбленная с чудным именем...

Кошкин напрягся, но она вдруг замолчала, будто сказала лишнее, и только неловко улыбнулась.

— Право, не верится в такие совпадения, Степан Егорович. Вы точно такой, каким я вас и запомнила...

Кошкин нервно глянул на Сапожникова и уточнил:

— Простите, мы знакомы?

— Нет, не совсем... я видела вас во сне. Только вы были в парадном мундире — в белом. И стояли в церкви. Это была ваша свадьба.

Оленька радостно ахнула. А Кошкин, признаться, онемел на долю минуты.

Татьяна Ивановна была под стать сестре — очень милостивой, с пышными, с медным отливом волосами и голубыми, с нежной поволокой глазами. Только в глазах этих был не смех, как у сестры, а что-то иное. Удивление встречей, неверие... Была хитринка, будто она и половины не сказала из того, что сказать хотела. На вид ей было, надо думать, что-то около тридцати.

— Непременно приезжайте на Оленькин вечер, Степан Егорович, — чуть слышно, будто ему одному шепнула эта женщина. — Приезжайте — у меня вы встретите ту, что составит ваше счастье. Что ж, прощайте, милый Серж, точнее, до встречи! У нас с Ольгой еще масса дел!

И они прошли мимо — столь же стремительно, как и появились.

* * *

— Что за чудная особа? — Кошкин не удержался и оглянулся им вслед. — Что она такое говорила?

Сапожников рассмеялся:

— Татьяна Ивановна? О да, повергнуть в шок и свести с ума всего парой фраз! Невероятная женщина! Это одна из причин, по которой ее вечера так популярны, — она предсказывает своим гостям их судьбу с невероятной точностью.

— Неужто на картах станет гадать? — хмыкнул Кошкин.

— Ну что вы, не на картах. Спиритические сеансы — слышали небось?

— Слышал...

— Она в этом мастерица. Мурашки по коже, ей-богу!